

УДК: 316.4

Ю. Г. Козырев, А. А. Анкудинов

Противоречивость природы общественного мнения как инструмента познания социальной реальности

В данной статье рассматривается понятие общественного мнения как социального института. Акцент делается на неоднозначности данной категории, а также на роли изучения общественного мнения в науке и влиянии на развитие социума. В статье проанализированы основные подходы к трактовке общественного мнения, процессов и механизмов его формирования, а также классификации.

Ключевые слова: общественное мнение, противоречивость сущности общественного мнения, массовое сознание, валидность опросов, анагенез суждений, социально-ожидаемое поведение, социальные стереотипы.

Y. G. Kozyrev, A. A. Ankudinov. The ambiguity behind the nature of public opinion as an instrument of cognition of social reality

This article deals with a term of a public opinion as a social institute. It draws our attention on an ambiguity of the category as well as on a role of a research of public opinion for science and a sustainable development of the society. The article gives a detailed analysis of fundamental concepts of public opinion, its' processes and mechanisms, which build public opinion, as well as classification of such mechanisms.

Keywords: public opinion, controversy of the nature of public opinion, collective consciousness, validity of surveys, expected behavior, anagenesis of opinion, social stereotypes

Для описания процессов, происходящих в обществе, исследователи различных академических дисциплин прибегают к использованию массивного конструкта понятий и феноменов, выражающих некоторую значимую характеристику общественного состояния или процесса. Так, фиксируя определенное состояние «массового созна-

ния» в его отношении к определенной проблематике, мы говорим об общественном мнении. Данное понятие применяется для изучения политических и социальных процессов, коммуникативной среды, а также в социально-психологических, маркетинговых, культурных и антропологических исследованиях. Термин «общественное мнение» в широком смысле используется для описания отношения различных групп людей к некоторым событиям и процессам окружающей действительности.

В рамках социологической школы общественное мнение рассматривается в качестве самостоятельного социального института, оказывающего воздействие на функционирование общества в различных аспектах. При этом, однако, не существует консенсуса в ряде вопросов, касающихся феномена, понимаемого как «общественное мнение». Так, к примеру, предметом дискуссий является вопрос о справедливости оценки общественного мнения как совокупности, объективно отражающей индивидуальные мнения. Приняв во внимание тот факт, что публичная огласка результатов исследования общественного мнения сама по себе является фактором, формирующим мнения по некоторому вопросу, можно также справедливо поставить вопрос о том, является ли «общественное мнение» в действительности продуктом простого аккумуляирования индивидуальных настроений, выступающим в качестве некоего индикатора, или же следует рассматривать данный феномен в качестве инструмента, используемого для воздействия на общественность. Очевидная тяжеловесность данного понятия естественным образом побуждает исследователей к анализу ряда факторов, формирующих общественное мнение, выявлению стадий появления и трансформации общественного мнения по отдельным вопросам, а также к определению места данного феномена в структуре коммуникативных процессов в обществе и абстрактного общественного мышления.

В попытках решения данных вопросов и систематизирования имеющихся знаний о природе феномена были сформированы концепции общественного мнения. Представляется актуальным обратиться к основным из них, а также выявить отличительные особенности современного понимания проблемы. Одной из фундаментальных является концепция У. Липпмана, в рамках которой автор определяет понятие общественного мнения через образы в сознании

людей [2, с. 4]. При этом, как указывает У. Липпман, человек не обладает способностью компетентно рассуждать о большинстве процессов, происходящих в мире, а естественным итогом данного противоречия является потребность в систематизации знаний об окружающем мире через формирование стереотипов, упрощающих понимание действительности. Вся социальная реальность представляет собой в рамках данного подхода не простую совокупность стереотипов, но сложную систему стереотипов, в которой сама социальная реальность представляет собой корневой стереотип. Стереотипы, как указывает У. Липпман, всегда проще реальности и находятся в поле оценочных суждений, практически никогда не формируются под влиянием личного опыта, всегда являются ложными, а также отличаются крайне высоким уровнем «живучести» в обществе.

Систематизация, к которой прибегает У. Липпман, служит нам для демонстрации ключевого противоречия в природе общественного мнения. Каждый отдельный человек способен компетентно обзирать лишь некоторый фрагмент реальности, в то время как исследование общественного мнения формируется как усреднение мнений касательно широкого круга вопросов. Таким образом, общественное мнение становится категорией, используемой для описания распространенных стереотипных схем и методов интерпретаций. При этом данная категория не представляет сколько-нибудь важную информацию относительно объективного состояния дел, и даже не позволяет опираться на эти данные для формирования представления о субъективных оценках, если только под такими оценками не понимаются упрощенные и усредненные с точки зрения статистической валидности группы стереотипов.

Понимание У. Липпманом сущности общественного мнения отсылает нас к понятию симулякра, примененному французским философом-постмодернистом Ж. Бодрийяром [1, с. 12] для обозначения репрезентации предмета, не имеющего аналога в реальности. Данная аналогия представляется вполне уместной для обозначения природы общественного мнения в том ключе, что указанный феномен являет собой сложный конструкт из обобщенных стереотипов, распространенных в обществе, и предоставляет картину, свидетельствующую о некотором характере общественного сознания, хотя и существует оно лишь в том виде, в котором задано структурой взаи-

модействия различных стереотипов. Иными словами, результат широкого исследования общественного мнения характеризует некое общее среднее, которое при этом не отражает действительной картины в реальности. Продукт общественного мнения является скорее мифом, чем отражением реальности, хотя и стремится к имитации подлинного выражения некоего факта общественного сознания. И неслучайно сам У. Липпман в качестве эпиграфа к книге, раскрывающей данную концепцию, выбрал фрагмент из «Государства» Платона, в котором описываются узники, наблюдающие за тенями мира и неспособные принять возможность существования реально-го мира, скрытого от них лишь тенями.

Концепция общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман обращает внимание на другую важную характеристику данного феномена: речь идет о мотивации демонстрирования некоего мнения или поведения [3, с. 32—40]. Специфическим атрибутом общественного мнения является спираль молчания, описывающая механизм высказывания индивидуального мнения. С ростом вероятности изоляции индивида, основанной на отторжении отличающегося поведения, в равной степени падает и стремление самого индивида к демонстрации такого поведения и мнений. Иными словами, в данном утверждении демонстрируется новый аспект воздействия общественного мнения. Оно является уже не индикатором настроений абстрактного массового сознания, а также не просто участвует в процессе воспроизводства системы стереотипизации, но и демонстрирует образ агрессивного воздействия на условное «меньшинство», приводя к достижению гомогенности в коммуникативной среде общества. Стремясь к минимализации своих социальных рисков, индивид, по каким-либо причинам считающий себя носителем непопулярного мнения, предпочитает, как правило, не высказывать свое мнение или переместиться на противоположную сторону во избежание риска быть отвергнутым. При этом собственное суждение о популярности некоего мнения формируется в значительно большей степени наблюдением за паттернами чужого поведения, чем оценкой численности сторонников данного мнения. В действительности индивиды в социуме перманентно ощущают на себе воздействие «спирали молчания», а также феноменов, порожаемых ею.

В свете данных концепций возникает справедливое сомнение в валидности опросов общественного мнения, призванных дать исследователю объективную картину мира глазами общества в целом. Очевидно, и именно в этом отношении можно наблюдать консенсус исследователей, что в той или иной степени сам факт публикации сведений о некотором состоянии общественного мнения становится фактором, определяющим последующий анагенез суждений в обществе. В каждом отдельном случае мы становимся свидетелями эффекта «самоисполняющегося пророчества» [4, с. 605—621], поскольку определенное представление о социальной реальности и распространенных в обществе мнениях в той или иной мере влияет на эту реальность таким образом, что представление оказывается верным вне зависимости от того, являлось ли оно таковым первоначально. К примеру, электоральные опросы общественного мнения способны оказывать значительное воздействие на реальный расклад сил. Существенная часть общества предпочитает встать на сторону победителя, а значит, и кандидат, получивший прогноз относительно своего выигрыша, получает дополнительное преимущество. Этот эффект Элизабет Ноэль-Нойман описывала как «сдвиг последней минуты» [3, с. 38].

Аналогичным образом можно распространить данный вывод и на остальные сферы исследования общественного мнения. Более того, следует полагать, что те же механизмы действуют и в отсутствии публичных результатов некоего опроса — широкий доступ к анализу распространенности мнения лишь усиливает их действие, но не изменяет коренным образом.

Один из важнейших вопросов относительно природы общественного мнения состоит в разумном использовании той силы, которой располагает подобное исследование. Безусловно, публикация результатов опроса общественного мнения может быть использована в качестве манипулятивной политической технологии, а также встроена в аппарат государственной пропаганды, если такие намерения существуют. Исторический опыт нашей страны олицетворяет прохождение через путь спирали молчания, демонстрируя состоятельность теории в случаях, когда результаты исследований не оглашаются публично гражданам страны. Опыт нашего государства, оставшийся в прошлом веке, не только являет собой действие спи-

рали молчания, но и во многом указывает на ряд дополнительных сложностей, возникающих у исследователей российского общества сегодня. Даже анонимное массовое анкетирование вызывает у индивидов отторжение, ощущение недоверия. Продолжительный период того самого «травматичного» опыта вызывает в наших согражданах подозрительность в отношении любого свободного проявления индивидуального мнения. Этот фактор вносит дополнительные сложности в работу с исследованием процесса формирования общественного мнения, так как самый широкий круг вопросов (прежде всего политические, но также экономические и социальные) интерпретируются индивидом с учетом вероятности индивидуальных рисков, которые он получает, отвечая на вопрос некоторым образом.

Положим, если в таких условиях индивид отказывает интервьюеру в ответе на ряд политических вопросов, следует понимать, что данный отказ, вероятно, является не частным случаем, но примером проявления спирали молчания в действии. Догадываясь о персональных мотивах респондента, отказавшегося ответить на определенный вопрос, можно сделать предположение о том, что индивид считает свое мнение непопулярным или же элементарным образом опасается прямых санкций, которые, как ему кажется, могут быть применены по отношению к нему на основании формальных признаков. Соответственно, учитывая кроме природных особенностей института общественного мнения еще и специфичный характер современной российской ментальности, было бы бессмысленно стремиться к анализу информации, не применяя определенные фильтры.

Социология для обозначения сходных явлений ссылается на механизмы формирования социально-ожидаемого поведения. Логично предположить, что малая часть респондентов готова дать откровенный ответ на вопрос, прямо компрометирующий их личность. В сущности, разговор ведется о функционировании упомянутых выше стереотипов, ведь портрет поведения человека, получающего одобрение со стороны окружающих, сам является заведомо распространенным стереотипом. Из этого понимания вытекает и стереотип об ожидаемом поведении при ответе на каждый вопрос. К примеру, едва ли большинство людей публично сознаются в том факте, что они мусорят на улице, однако объективная статистика покажет обрат-

ную картину. Та же аналогия работает и с электоральными опросами: число человек, заявивших в ходе опроса общественного мнения об уверенном намерении прийти на избирательные участки, всегда больше фактической явки на выборах. Диссонанс между представлением о «правильных» стереотипах и фактическим состоянием дел заполняется возможностью высказать противоположное мнение.

Однако спектр вопросов, при анализе ответов на которые следует учитывать специфические поведенческие модели, не ограничивается изучением электоральной активности, а сами модели представлены более широким спектром. Так, к примеру, открыто выражая свою позицию касательно самого широкого круга тем, индивиды обращаются к стереотипам, продиктованным собственными социальными ролями. Данный механизм во многом схож с саморегулированием, основанном на стремлении к демонстрации социально-ожидаемого поведения, однако в данном случае большее значение имеет самооценка, которая, в свою очередь, основана на представлении индивида о поведенческих паттернах, свойственных его социальной роли. В качестве базового примера следует рассматривать стремление к соответствию гендерным ролям. Кроме того, индивид опирается и на социальные роли других акторов. Частным бытовым примером может служить ситуация, при которой работник не высказывает негативных оценок по отношению к руководству, опираясь на собственное более низкое социальное положение, ограничивающее, по его мнению, его право на высказывание подобных суждений.

Речь о механизмах, оказывающих некоторое воздействие на общественное мнение, не может считаться завершенной без упоминания столь важной характеристики, как подверженность массового сознания краткосрочным тенденциям и, как следствие, его динамичность. Благодаря постоянно усложняющемуся в современном мире коммуникативному полю, а также интенсивному развитию все большего количества каналов коммуникации, общество постоянно переживает массу тенденций. Если политическая и социальная сферы демонстрируют относительную устойчивость таких тенденций, то, к примеру, сфера культуры отличается быстрой и резкой сменой «моды». При этом сама по себе динамичность общественного мнения вполне естественна и оправданна, это явление не создает столь значительных трудностей в изучении широкого процесса, а, напро-

тив, указывает на здоровое состояние общества. Исследовательская проблема в данном контексте происходит из сложности выводов относительно долгосрочных тенденций и констант, ведь они должны быть вынесены в сухой остаток после разграничения базовых данных и краткосрочных поправок, не вносящих значительных изменений в картину базовых основ.

Однако, если данные механизмы присущи самой коммуникативной среде в обществе, несправедливо было бы говорить о том, что исследования общественного мнения теряют свою значимость лишь по причине характера распространения стереотипных и социально поощряемых суждений в человеческом обществе. Напротив, в некоторой степени именно указанные тенденции характеризуют актуальное состояние общества, помогая исследователям анализировать фундаментальные и кратковременные процессы. Социальные стереотипы жизненно необходимы общественному мнению как процессу и неразрывно с ним связаны, ведь благодаря тиражированию мнений, заключенных в простые и емкие формы, обеспечивается распространение и транзит сообщения. Вопрос здесь скорее лежит в плоскости подхода индивидов к объективному изучению данных стереотипов, а также способности критически осмысливать изучаемые категории.

Приняв аксиоматичность присутствия факторов, воздействующих на получаемый результат, исследователь должен быть готов к глубокому анализу генезиса определенного состояния общественного сознания, но не останавливаться на получении данных, фиксирующих существующую картину. Естественным образом сложность устройства системы стереотипов провоцирует снижение доступности выводов любого исследования общественного мнения. К примеру, исходя из данных определенного электорального опроса, мы зачастую не имеем возможности говорить об уровне поддержки конкретных политических сил. Для начала (опустим вероятность статистической погрешности, сконцентрировавшись на прочих фундаментальных аспектах, сопровождающих исследование), необходимо сделать поправку на внешние условия. Такими условиями может являться институциональная свобода высказывать свое мнение без риска подвергнуться санкциям, а также уровень осознанной включенности индивида в социальные, политические, экономические

и культурные процессы в обществе, понимание личностью сущности и специфики определенных процессов и явлений, закономерностей и прогнозов их развития.

Стоит подробно остановиться на прочих внешних условиях формирования общественного мнения. В целом все факторы, не зависящие от отдельных индивидов, могут быть классифицированы следующим образом. Первую группу составляют естественные законы происхождения некоего мнения, описывающие рождение позиции и ее распространение в коммуникативном пространстве в некотором периоде времени.

Во вторую группу помещены все технологии искусственного формирования общественного мнения. К таким технологиям относятся реклама, маркетинг, политическая пропаганда, а также связи с общественностью. Каждая отдельная технология имеет свой базисный субъект, выступающий в роли инициатора некоего желаемого состояния общественного мнения по определенному вопросу. Круг вопросов чрезвычайно широк и может затрагивать сферы, варьирующиеся от политического режима и вплоть до уровня единичных товаров и услуг. Несмотря на то, что реклама или маркетинг, за исключением некоторых сфер применения, лишь в редких случаях имеют целью изменение общественного мнения (так как непосредственные задачи данных технологий, как правило, находятся в строго определенном поле экономической стратегии), их прямое и косвенное воздействие на массовое сознание было бы проблематично отрицать.

Существуют также и скрытые механизмы формирования общественного мнения, которые в ряде случаев также могут быть отнесены к искусственным технологиям, однако только при определенных условиях. Здесь стоит указать на тот факт, что скрытыми они признаются как за счет того, что их действие может быть неочевидно для всех участников процесса формирования мнений, так и по той причине, что работа с общественным мнением в данном случае не является самоцелью. К примеру, государственная программа, направленная на поддержку многодетных семей в сложных материальных условиях путем выплаты денежных компенсаций, способна сформировать сдвиг общественного мнения в сторону распространения стремления семей к большему количеству детей. В данном случае

первоначальная цель хоть и не относится прямым образом к вопросам состояния массового сознания, однако запускает специфичный долгосрочный, а главное — автономный процесс работы с ним. При этом в виду того, что сложившееся новое состояние общественного мнения было спровоцировано преднамеренными действиями, но не являлось конечной целью данных действий, подобная ситуация относится к промежуточной группе внешних факторов.

Однако в свете рассматриваемой тематики представляется необходимым в большей степени остановиться на внутренних механизмах, побуждающих индивида к демонстрации некоторого поведения. Здесь и скрывается ловушка, в которую легко попасть, не проводя глубокий анализ причинно-следственных связей. Если поведение индивида основано во многом на заимствованных поведенческих паттернах, является ли поддержка определенной силы, которой исследователи предрекают победу в рамках нынешнего электорального цикла, столь высокой? Напротив, можно ли достоверно свидетельствовать о росте реальной популярности некоей новой силы, принимая во внимание тот факт, что тенденция к усилению силы происходит по сценарию самосбывающегося пророчества?

Вышеуказанные вопросы не имеют простого однозначного ответа. При этом, однако, приведенная постановка этих вопросов не направлена на дискредитацию ни исследователей, работающих в области изучения общественного мнения, ни необходимости в понимании истинной сущности общественного мнения. По нашему мнению, изложенные факты свидетельствуют главным образом о том, что для любой науки, для которой важна фиксация состояния массового сознания, существующие формы исследования и интерпретации его проявлений не могут являться единственным абсолютom, лежащим в первичную основу наших суждений об общественных процессах. Вся совокупность сложностей изучения общественного мнения несколько не снижает значимость таких исследований. Однако только накопление достаточного количества информации об исследуемом нами объекте (то есть обществе) может гарантировать относительную уверенность в верности выявляемых тенденций, проблем и мнений. На сегодняшний день мы обладаем лишь частью необходимой информации. В этом свете представляется, что результаты, к примеру, опросов общественного мнения в большей степени,

чем сегодня, должны служить для выявления фундаментальных процессов, происходящих в обществе, скрытых законов, по которым оно функционирует, а также в целом для глубокого понимания природы массового сознания и общественного мнения.

Резюмируя вышесказанное, стоит в первую очередь вновь отметить размытость понятия общественного мнения в виду отсутствия четких границ, необходимых для операционализации термина в рамках различных общественных наук. Многовариантность употребления понятия происходит из сложности данного феномена, обусловленной большим количеством факторов, воздействующих на общественное мнение, а также процессов его формирования и концепций причинности. Рассмотренные явления позволяют делать вывод о том, что изучение общественного мнения является сложным процессом, а само общественное мнение не должно пониматься исследователем как объективное отражение социальной реальности в силу системы стереотипизации, проявления личностных мотивов индивидов, воздействия социальных и культурных норм, естественного стремления к демонстрации социально-ожидаемого поведения индивидов, подверженности общественного мнения скоротечной динамике и влияния краткосрочных трендов. При этом невозможно было бы отрицать критичную важность для общества, социальных институтов и науки попыток глубокого анализа общественного мнения, а главное — фундаментальных законов его образования и трансформации.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / *Simulacres et simulation* (1981, рус. перевод 2011, пер. А. Качалова). М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
3. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ М.: Хранитель, 2006. 880 с.

References

1. Bodriyyar Z. H. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacres et Simulation]. Moscow, Rapol-klassik Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)
2. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004, 384 p. (In Russ.)
3. Noehl'-Nojman E. H. *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [Public opinion. Opening the spiral of silence]. Moscow, Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996, 352 p. (In Russ.)
4. Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. M., ACT: ACT M.: HRANITEL', 2006, 880 p. (In Russ.)